

Примечания

¹ Давилов А.Н., Драговец В.Н. и др. Молодежь и демократизация советского общества: социологический анализ // Под ред. С.А. Шавеля, О.Т. Манасва. Мн., 1990. С. 5.

² Переги Ф.Э. Социология политики: Прикладные исследования. М., 2003. С. 71.

³ Шлянский И.М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. С. 359–360.

⁴ Документы и материалы XXI съезда ВЛКСМ. М., 1990. С. 14.

⁵ Богомолов Ю., Добрынина Л. Кто уедет из СССР // Аргументы и факты. 1991. № 29.

⁶ Социально активные силы России: условия и пути их консолидации. Результаты социологического исследования. М., 1991.

⁷ Там же.
⁸ Капицын В.М., Красова Е.Ю. Приручить Левиафана: о молодежи в меняющемся мире политики. Воронеж, 1991. С. 140.

⁹ Игунов В. Молодежь в политике вчера и сегодня: <http://www.igunov.ru>

¹⁰ Запесоцкий А., Файн А. Эта непонятная молодежь. М., 1990. С. 40.

¹¹ Игунов В. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Рубанов В. Демократия и безопасность страны // Коммунист. 1989. № 11. С. 45–47.

¹⁴ Капицын В.М., Красова Е.Ю. Указ. соч. С. 142.

¹⁵ Давилов А.Н., Драговец В.Н. и др. Указ. соч. С. 72.

*С.В. Голикова
(Екатеринбург)*

ПРОВОДЫ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ: (НЕ)ОКУЛЬТУРЕННЫЕ ЭМОЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.).

Тенденция к антропологизации исторического знания, появление исторической психологии, истории повседневности, «устной» истории приблизили исследователей к человеку с его переживаниями и представлениями о себе и окружающем мире. Историзация «человека чувствующего» привела к возникновению особого направления под названием «история эмоций». Оно изучает, каким образом социокультурный контекст оформляет, канализирует, дифференцирует и семиотизирует естественные импульсы человека, превращая их в значимые элементы общественной практики.

Конечно, среди описаний проводов на военную службу встречаются малоэмоциональные. Вполне спокойно и буднично повествует об уходе в армию некоего «Ванюхи» В. Серебрянников: «В воскресенье вечером мы целой компанией пошли к нему. Изба была почти полна народом, «сусидями-приближенными», пришедшими проводить Ванюху в солдаты. Ванюха сидел за столом с друзьями и угощался: подавали мясо, капусту, огурцы, каши. После ужина побеседовали немного. Зажгли перед образами свечи, помолвились, родители благословили его иконкой, и он стал со всеми прощаться, целуясь накрест. Все вышли в ограду. По обычаю пошли провожать за околицу. Иван "в обнимку" с товарищами-молодыжками шел впереди. Затянул он старинную солдатскую песню. Сзади толпы провожающих семеняла с плачем мать-старушка и ехал ямщик. Проводили за селение, простились еще раз, и уехали»¹.

Однако среди источников преобладают свидетельства прямо противоположного свойства, в которых наряду с передачей настроения участников события, авторы показывают свое отношение к ним. Уже в сообщениях, датированных серединой XIX в., говорилось о «растроганных чувствах», «сердечных излияниях», которые выражали чаще всего с помощью слез². Автор 1860-х гг. называет отправляющегося на службу «сердешным», а его состояние определяет как стремление «забыть горе-

заботу»³. Развернутые эмоциональные описания проводов-ухода на военную службу появились к началу XX в. Рекрутский фольклор, как лирический жанр, также акцентировал внимание на чувственной сфере. Ознакомление с материалами данных источников показывает, что преобладающей формой переживаний в связи с отправлением на военную службу являлись отрицательные эмоции: печаль, забота, кручина, страдание, тоска, горе, отчаяние, скука, которые проявлялись главным образом с помощью слез, плачем. На проводах подруга рекрута признавалась: «...ой, да мое горе, эх великое, ... да никому... неизвестно... Да призакрыто, ... да белой грудью, ... Ох, призаплаканные очи ясные все слезами...»⁴.

Слезы занимали видное место в сценарии проводов. «Горький час» для молодого человека и его родственников наступал, когда они узнавали, что отправки на службу ему не избежать. «Получивший жеребей, — замечал И.П. Шерстобитов, — видимо падает духом и теряет всякую охоту к занятиям домашними работами»⁵. В фольклоре «момент истины» был представлен непосредственным свидетельством годности к службе («Вот скричали: "Принят, принят", слезоньки покапали») и сценой обривания головы («По плечам русы кудри валяются, по лицу слезы, слезы катятся»). Аналогичным образом весть об уходе сына принимали его родители: «отец, мать заплакали». Хотя материнская реакция была более эмоциональной. «Мать катается-ревет», — замечалось в рекрутской частушке. А в песне, исполнявшейся от лица сына, уточнялось: «Она тело мое белое все слезами обольет».

В описании И.В. Шерстобитова во время прощального застолья рекрут «с горькими слезами бросается на грудь плачущего отца, который с теплой любовью родителя крепко сжимает в своих объятиях сына, и долго-долго, покачиваясь, отец и сын плачут навзрыд, дав полную волю растроганным чувствам». «Долгим поцелуем заканчивается это сердечное излияние», — комментирует происходящее рассказчик. Однако этим дело не заканчивалось. После благословения сын «садился на лавку, наклонялся на столешницу лицом и плакал, повалившись сыну на спину, отец и мать тоже плакали, причитая»⁶. Ситуацию всеобщего плача рисует и П.И. Юшков: «Бабы: свои, родные и соседки... все время с причитаниями, голосят, плачут и мужчины, не исключая и песенников, которые поют и плачут, плачут и все те, кто пришел поглазеть на прощальный обед»⁷. Песенная строка «семья вся замертво лежит» — была не просто фигурой речи. Эмоции передавались и через прием удвоения:

«Завтра рано чуть светочек, заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сестры, заплачет мать и мой отец,

Еще заплачет дорогая, с которой три я года жил.

С которой три я года жил, с которой под венец ходил.

Тележка к дому подъезжает, колеса о землю стучат.

В коляске старший отвечает: "Готовьте сына своего".

Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит.

Лежат все братья мои, сестры, лежит и мать и мой отец.

Еще лежит и дорогая, с которой я три года жил».

В прощальной процессии плач родных принимал фантастические размеры. Они надеялись «смочить...мать-сыру землю слезами» и ими же «наполнить море синее»⁸. Изображение в другой песне более реалистично: «Ох, да во слезах глаза-то, ... да ни пути-дороженьки не видят, ... да что рыданьца они словечка, ох, не промолвят».

В заключительной сцене «мамонька родимая» опять «горько всплакивала» и сын отвечал ей тем же («Слеза на грудь мою скатилась, последний раз "прощай" ска- зал»). Далее инициативу перехватывала толпа провожающих, превращая прощание во впечатляющую демонстрацию чувства общинной солидарности. «Повезут меня в солдаты, ... заревет родима маменька, заплачет весь народ», — предсказывал рекрут. Причем уточнял, что «все заплачут голоском». Об излиянии чувств известно из опи- саний очевидцев. «Жуткую картину представляет этот момент проводов. В десяти разных местах поют, голосят на разные лады и с разными причитаниями бабы. Все это сливается в один общий гул, лишь изредка выделится какое-нибудь причитание вроде: "да родимый ты наш, соколик ясный". Но его тотчас же заглушает взрыв ка- кой-нибудь могучей песни», — сообщал П.И. Юшков и продолжал: «Провожать рекрутов идут почти все, остаются только старики и старухи, да кому нельзя почему- либо покинуть дом. Но и эти, когда ведут какого-либо рекрута, выходят к своим во- ротам», — продолжал автор. По его наблюдениям, толпа, провожавшая одного рек- рута, «бывала от нескольких десятков до ста и более человек». «К одному времени, большей частью часам к 12 дня — рассказывал он, — к центру села с разных сторон то и дело подходят шествия с рекрутами. С каждым рекрутом приходят десятки и сотни... И, таким образом, народа скопляется множество»⁹. Аналогичную картину рисовал и П. Шмаков. «В день проводов, — отмечал он, — вся деревня перебивает в доме новобранца. Под вечер дом его оцеплен со всех сторон... Выходит новобра- нец... Все шумит, Все волнуется... Тихо-тихо, чуть-чуть движется толпа по улице. Новобранец в это время заходит прощаться к стоящим у ворот домов... Вот у одного дома "оплакивают" новобранца: женщина обняла его и причитывает, как по покой- нику. Наплачется, выльет здесь и свое горе-кручину, даст новобранцу "на дорожку" (теперь уж только деньги дают) и отпустит его. А толпа гудит: "Последний нынеш- ний денечек гуляю с вами я, друзья"... В этот момент можно вполне почувствовать и пережить, видеть наяву, как "заплачет вся моя семья"... Как волна грозная движется шествие. Это что-то стихийное, что-то печально-торжественное. Вот, идут двое, об- нявшись, и плачут... А девушки поют, запевают кручину»¹⁰.

Атмосфера всеобщего плача передавалась даже животным. Современные соби- ратели приводят курьезный случай, который произошел в момент «испрашивания благословения» уходящего на службу у лошади. Конь по прозвищу Бурко «сдал два шага обратно», что означало верную смерть. Благословляемый «сразу соскочил, ... взревел: "Бурко. Бурко! Че ты наделал!"». Комментарий информантки звучал так: «Вот все говорят, что не плачут кони. Тут я сама убедилась. Лошадь заплакала. Вот так у ей вот, шшок не хватает..., слезы-то бегут. И в те пора старики все сказали: "Это что, погляди-ко, — говорит, — как Бурко заплакал"»¹¹.

«Обычай, — отмечает Т.Б. Щепанская, — предписывает отцу и матери разные реакции на известие о призыве сына в армию. Отец говорит: "Ну что-же сын и Царю- Батюшке надо послужить", — как бы передавая свои права на сына государству — отечеству. Мать же "воет и причитает..."»¹². Уральские материалы не показывают сдержанность отцов и мужчин вообще: они тоже плачут. Проникновение плачущих представителей мужского пола (рекрута, его отца и братьев) в фольклор показывает, что мы имеем дело не с психологически неуравновешенными личностями, случайно попавшими в поле зрения авторов, а с устойчивым клише. Разрешая мужские слезы,

традиция создала также причитания по рекрутам, которые открыто провоцировали участников проводов к плачу («От причеток поневоле заревешь»¹³). Поощрение проявлялось также в отсутствии запретов на слезы и в предписаниях, прежде всего близким родственникам, выражать свое настроение более выразительным плачем. «...Ох, да плачут девушки об нас, ох, сестры голосом ревут...», — подчеркивала рекрутская песня. Замечание П.И. Юшкова объясняет причину «бурных» эмоций не только со стороны сестер, но и супруги уходящего: «Бабы со всевозможными причитаниями начинают голосить, при чем, если рекрут женатый, то жена особенно должна убиваться, иначе подумают, что она мужа не любила»¹⁴. Примечательно, что семейство, нанявшее «охотника», должно было демонстрировать по отношению к нему подобающие эмоции. Окружающих не смущала даже искусственная природа подобных чувств. «Голосом ревут для близиру, — замечал А. Зырянов, — а сами только и думают, как бы скорее спихнуть с рук охотника. Его родственники плачут об нем от усердия, без обману»¹⁵.

Установка традиции «на слезы» проявилась в усилении «чувствительности» рекрутского фольклора к данной эмоции, в частности, распознавание им различных оттенков в ее наименовании: (вс)плакать, наплакаться, слезы катятся, капают, их льют (причем горячие) ими обливают, рыдать, реветь голосом, реветь-кататься, плакать-горевать, очи заплаканы. Авторы описаний начала XX в. тщательно «препарируют» слезы и, сообщая о них многочисленные детали, мельчайшие подробности, виртуозно владеют техникой представления проводов именно посредством плача.

Таким образом, слезы (плач) стали главным инструментом публичного жеста и находились в фокусе общественного контроля: во время проводов на военную службу уместно, подобает плакать. Побудив другого человека к изменению эмоционального состояния, оплакивание можно было сделать коллективным феноменом, реакцией локальной общины. Именно эта эмоция с ее точки зрения являлась адекватной в данной ситуации. Существование в народной культуре Урала конвенционального знания об уровне выражения чувств позволяет рассматривать плач на проводах как поставленный под контроль культуры и подчиненный социальным условиям взрыв эмоций.

Примечания

¹ Серебрянников В. Из солдатских песен б. Оханского уезда // Пермский краеведческий сб. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 160.

² Шерстобитов И.В. Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы // Пермские губернские ведомости. 1865. № 13. С. 55.

³ Зырянов А. Выдержки из дорожных записок 1865 года // Пермские губернские ведомости. 1866. № 10. С. 39.

⁴ Здесь и далее, если не указано особо, фольклорные материалы взяты из кн.: Белавин А.М., Подкоков И.А., Черных А.В., Шумов К.Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, 2005. С. 16–42.

⁵ Шерстобитов И.В. Указ. соч. С. 55.

⁶ Там же.

⁷ Юшков П.И. Указ. соч. С. 29.

⁸ Шмаков П. По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья. Оса, 1916. С. 43.

⁹ Юшков П.И. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Шмаков П. Указ. соч. С. 43–44.

¹¹ Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи С. 159.

¹² Щеланская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 100.

¹³ Востриков О.В. Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Юшков П.И. Указ. соч. С. 30.

¹⁵ Зырянов А. Указ. соч. С. 39.

*О.А. Грибова, О.А. Тищенко
(Славянск)*

КРАСОТА УРАЛЬСКОГО КРАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОТВОРЧЕСТВА П.П. БАЖОВА В ЕГО СКАЗОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Малахитовую шкатулку, ларчик из красивейшего уральского камня, наполненный украшениями из других самоцветных камней, подарила на свадьбу рудою Степану и его жене Насте Хозяйка Медной горы. Этот волшебный подарок имеет важный смысл для понимания не только одноименного сказа, но и всей книги П.П. Бажова. Шкатулка из зеленого «веселого» камня, которую берегут и передают из поколения в поколение, напоминает о тяжелом труде и упорстве добытчиков уральских подземных богатств, о большом искусстве народных мастеров, гранильщиков и камнерезов. Уральские рабочие, мастера горного дела — герои сказов П.П. Бажова.

Сказы «Малахитовой шкатулки» объединяются в группы, связанные общими героями, как главными, так и второстепенными. Эта связь, называемая циклизацией, писателем специально продумывалась для придания книге большей цельности. Иногда сказы объединяет указание на одно и то же время и место действия. Часто в сказах дается как бы история одной рабочей семьи: Степана и Насти, их дочери, Катерины и ее мужа мастера Данилы, а затем и их детей; старателя Леонтия и его сыновей Пантелея и Кости. Такие семейные истории существовали, да и сейчас существуют на Урале.

Общие в сказах и волшебные персонажи, главные из которых — Хозяйка или Малахитница и Полоз. Интересно их происхождение. Еще в глубокой древности сложились у людей представления о том, что подземные богатства охраняют чудесные существа. В фольклоре хранители недр выступают в облике или Хозяина, старика, горного духа или Хозяйки, девки Азовки. Действия их могут быть враждебны или доброжелательны по отношению к людям. Такие фантастические предания были широко распространены среди уральских рабочих, многие поколения которых трудились в тяжелейших условиях на «подземной каторге», в рудниках и шахтах. Стремление объяснить непонятные явления природы вызвало их к жизни, жажда справедливости, желание видеть удачу труженика и наказание; угнетателя определили их содержание. Бажов использует, развивает и дополняет традиционные фольклорные мотивы. Хозяйка Медной горы не только хранительница сокровищ, но покровительница смелых и мужественных, творчески одаренных людей. Писатель наделяет ее необыкновенной внешностью. Детали красочного портрета намекают на связь героини с миром природы. «Девка небольшого роста, из себя ладная, и уж такое крутое колесо — на месте не посидит... Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце — ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светлеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь»¹.

Многое роднит эту героиню и со сказочной царевной. Не только необыкновенная красота, но и чудесные помощники, выполняющие все ее распоряжения, — раз-